На днях землетрясение в Лигоне

Автор:
Кир Булычев

На днях землетрясение в Лигоне

Кир Булычев

Лигон #1

Это – ранняя проза Кира Булычева. «Нефантастическая фантастика»? Ироническая антиутопия, над которой смеешься сквозь слезы? «Роман-катастрофа»? Судите сами!.. Гигантское землетрясение, разражающееся в маленькой азиатской стране, подозрительно смахивает на начало Апокалипсиса. Однако – уже на грани катастрофы – путь к спасению нежданно предлагают два иностранца, обладающие секретом новой ФАНТАСТИЧЕСКОЙ технологии…

Кир Булычев

На днях землетрясение в Лигоне

ОТ АВТОРА

Страна, в которой происходит действие, персонажи и события романа вымышлены. Не следует искать Лигон на карте или проводить аналогии между реальными и описанными здесь лицами и коллизиями.

Для удобства читателя можно сообщить, что если бы Лигон существовал, он располагался бы в Юго-Восточной Азии, где-то между Малайзией, Таиландом и Бирмой. Главным городом в этой стране был бы Лигон, стоящий на реке Кангем, которая впадает в Андаманское море.

Площадь Лигона – 138.670 квадратных километров. Население – 6,8 миллиона человек, из которых 80% лигонцы, народ мон-кхмерской группы и родственные им горные племена, остальные – выходцы из Индии, Китая и соседних стран. Климат тропический, муссонного типа. Рельеф гористый, за исключением широких долин рек Кангем и Сапуи, где сосредоточено большинство населения. Очень богат животный и растительный мир Лигона. До сих пор в горах и мангровых лесах побережья водятся редкие животные, в том числе суматранский носорог, коупрей, голубой аист и т.д. В тиковых лесах встречаются стада диких слонов.

История Лигона уходит корнями в далекое прошлое. По преданиям, первое государство на этой территории основал брахман Викрама, под влиянием проповедника Таллики принявший буддизм. Города в Лигоне появляются в середине 1-го тысячелетия н.э. В начале нынешнего века французский археолог Матье обнаружил затерянные в джунглях руины Шриматрамы – средневековой столицы Южного Лигона. В 1891 году Лигон был завоеван английскими войсками и вернул себе независимость в 1951 году.

В 1957 году было заключено торговое соглашение между Лигонской республикой и СССР, а с 1959 года установлены дипломатические отношения на уровне посольства.

ПЕРЕВОРОТ В ЛИГОНЕ

Лигон. 10 марта. (ТАСС – ЛигТА). Сегодня ночью в Лигоне произошел военный переворот. Выступая по местному радио, глава Временного революционного комитета бригадный генерал Шосве заявил, что причиной переворота послужила реакционная политика правительства Джа Ролака, а также

коррупция и тяжелое экономическое положение в стране, осложненное сепаратистскими выступлениями в горных районах. Бригадир Шосве указал в своем выступлении, что Временный революционный комитет намерен придерживаться во внешней политике строгого нейтралитета и неприсоединения.

Лондон. 10 марта. Агентство Рейтер (из Бангкока). Информационные источники не связывают переворот в Лигоне с деятельностью сепаратистов, один из лидеров которых, князь Урао, не смог прибыть на совещание по федерализму в Лигон. По слухам, князь Урао в настоящее время находится в своей резиденции в городе Танги.

ДИРЕКТОР МАТУР

Прошедшей ночью я держал в руках судьбу нации. Я усматриваю в этом некий скрытый смысл, знамение кармы, избравшей меня для непостижимых целей.

Это не значит, что я склонен преувеличивать свои возможности. Кто я? Скромный посредник, экспортер, директор спичечной фабрики, национализированной в разгар избирательной кампании, за которую правительство так и не смогло расплатиться с бывшим владельцем.

Говорят, что у меня есть связи. Но эти связи непрочны, как паутина. Не им, а репутации я всем обязан.

Некоторые полагают, что я бенгалец. Другие считают парсом. Если в моих жилах и течет кровь благородных брахманов, то она давно разбавлена не менее благородной кровью лигонских буддистов. Сто лет назад мои предки прибыли в эту, тогда отсталую, дикую страну и со временем стали истинными лигонцами. Я говорю не о формальной стороне дела (у меня лигонский паспорт) – наш родной язык лигонский, обычаи – лигонские и, главное, мы все – патриоты Лигона.

Мои предки никогда не были близки к британским колонизаторам, а мой дядя Сони в 1939 году, будучи студентом колледжа, принял участие в демонстрации и был избит полицейским-пенджабцем.

Я маленький человек и мой девиз – честность. Со всей решительностью я должен опровергнуть слухи, распускаемые недоброжелателями. Они касаются моей предполагаемой близости к контрабандистам наркотиками. Сама безнравственность такого предположения исключает его правдивость. Однако опровержениями никого не убедишь. Поэтому я должен обратиться к прошлому.

Когда я учился в миссионерской школе и преуспевал по многим предметам, в наш класс был принят юный князь Урао Као, в то время шестнадцатилетний наследник престола. Он проучился у нас восемь месяцев, а затем был направлен для продолжения образования в Великобританию. У меня сложились с этим юношей добрые отношения, тем более что я был полезен молодому князю, оказывая помощь в приготовлении уроков и контрольных работ. Князь Урао Као закончил Кембридж и возвратился домой в 1953 году. Я нанес ему визит, князь узнал товарища детских забав и пригласил меня бывать в его доме. С тех пор я порой оказываю моему школьному другу некоторые услуги, однако наши сердечные отношения не имеют деловой окраски.

В 1957 году, когда я унаследовал от отца экспортную контору, мне пришлось для поправки дел, подорванных нарушением традиционных связей между Великобританией и Лигоном, обратиться к князю Урао за финансовой помощью, и эта помощь была оказана. К сожалению, на тот же период выпала клеветническая кампания, которую вели в парламенте некоторые безответственные политики, стараясь связать имя князя Урао с контрабандой на лигонско-таиландской границе. Нападки на князя не поколебали его высокой репутации, но кое-кому удалось прознать о займе, и честное имя нашей фирмы было измарано гнусными подозрениями.

Здесь же, для полной ясности, следует упомянуть, что, не участвуя в политике, я всегда материально поддерживал Свободных националистов и имел личную благодарность от господина Джа Ролака. Кроме того, я горжусь своей деятельностью в области поставок армии. Я никогда не наживался на патриотизме, и потому высокая оценка моих скромных усилий в Управлении снабжения и лично господином подполковником К. (некоторые имена я вынужден опускать, не желая даже случайно скомпрометировать патриотов нашей страны) мне особенно приятна.

Подобное отступление от изложения событий в ночь на 10 марта может показаться скучным, но оно необходимо для того, чтобы читатель судил обо мне беспристрастно и объективно.

В отличие от многих, включая премьер-министра и президента, я узнал о перевороте заранее. К сожалению, лишь в последний момент. Нужно отдать должное организаторам переворота, и в первую очередь его превосходительству бригадному генералу Шосве, что он был подготовлен втайне. Если бы не мои связи и не благодарность, которую испытывал ко мне подполковник К., я бы оставался в неведении, как и все граждане Лигона.

В десять часов вечера в моем небогатом коттедже на окраине, в Серебряной Долине, зазвонил телефон. Говоривший не назвал себя, но я узнал голос К. Он попросил меня прибыть в условленное место. В иной ситуации я предпочел бы отложить поездку до утра, но тревога в голосе К. и напряженное положение в городе заставили меня завести мой скромный «датсун» и тут же отправиться в путь. Я обнаружил в тайнике записку, которая ставила меня в известность о перевороте и указывала точное время: час ночи. Оставалось чуть менее трех часов.

Так я оказался в положении человека, обладающего информацией ценой в миллион ват. Причем через три часа цена ее будет равняться стоимости листка бумаги, на котором написана записка.

Было жарко. Я вспотел. Я остановил машину в центре, на улице Банун. Вокруг кричали продавцы жареных орехов, тростникового сока, жевательной резинки, мороженого, с противней тянуло подгорелым кунжутным маслом, по другую сторону тротуара под газовыми лампами разложили свое добро мелкие торговцы, предлагая носки, игрушки, зажигалки… Я купил бетеля, завернутого в зеленый, сочный лист, принялся жевать, чтобы освежить голову. Вокруг кишели люди, начинался последний сеанс в кино. У меня возникла дикая мысль: здесь, в толпе, перед плакатом с полуобнаженной Джейн Менсфилд закричать: «Безумцы! Вы веселитесь, а на окраинах Лигона выходят на исходные позиции танки, летчики прогревают моторы!» И люди бы засмеялись.

Я свернул в ближайший переулок и быстро пошел по узкой щели между четырехэтажными домами. Ноги не случайно привели меня именно сюда. Я уже начал действовать.

Я прошел всего пятьдесят шагов от широкой и шумной вечерней улицы, и уже ничто, кроме отдаленного гула и звона колокольчиков продавцов сока, не доносилось сюда. Казалось, что черные дома, кое-где прорезанные желтыми квадратами окон, смыкаются над головой. И с каждым шагом мои уши все более привыкали к полной звуками тишине этого переулка. Она складывалась из вздохов, ругани, шепота, кашля людей, от которых меня отделяли лишь кирпичные стены. Наверное, во мне умрет поэт. Мне иногда хочется передать в стихах, изящных и завершенных, всю красоту окружающего мира, даже если она таится за грязными фасадами домов. И тогда меня охватывает желание сделать добро этим неизвестным людям, сказать, чтобы они брали все, что у меня есть, ибо это приблизит меня к нирване.

Я остановился перед полуоткрытой черной дверью. Сбоку к стене было прикреплено несколько потрепанных временем и дождями вывесок. Мне не надо было зажигать огня, чтобы прочесть верхнюю: «Раджендра Тантунчок. Экспорт

– импорт».

Разумеется, неискушенный человек счел бы, случайно пройдя этим переулком, что табличка принадлежит мелкому жулику, которого и близко не подпускают к таможне. И он бы ошибся.

Дверь на третьем этаже ничем не отличалась от прочих дверей той лестницы. Она была также обшарпанна и грязна. Над ней висела лампочка без абажура.

Я бывал здесь раньше. Я толкнул дверь и вошел в маленькую прихожую, также освещенную одной лампочкой. Бережливость – отличительная черта уважаемого Тантунчока. Прихожая длиной в два ярда заканчивалась другой дверью. Наверное, внутренняя дверь стояла раньше в банковском сейфе. Я приблизился к глазку, чтобы меня могли рассмотреть, и позвонил три раза. Дверь медленно открылась. За дверью стоял невысокий малаец в саронге и белой рубашке с закатанными по локоть рукавами. Не говоря ни слова, он показал мне на стул, стоявший в холле. Не знаю, умеет ли этот малаец говорить по-лигонски. Я послушно сел. Малаец исчез, а через полминуты вернулся и жестом велел мне пройти внутрь.

Тантунчок ждал меня в небольшой гостиной с низкими плетеными креслами и журнальным столиком, на котором лежали четки и английский детективный

роман. В углу стоял небольшой домашний алтарь, убранный белыми и красными ленточками и бумажными розами.

– Что привело тебя ко мне, уважаемый директор Матур, в такой поздний час?

– Я не обеспокоил тебя, уважаемый Тантунчок?

– Я отдыхал. Ты, наверное, слышал, что я знаток и ценитель детективов. Когда ты стар и немощен, остается мало удовольствий в жизни. Для меня удовольствие – развлекательное чтение.

– Я очень спешу, уважаемый Тантунчок, – сказал я. – И пришел побеспокоить тебя по срочному делу.

– Я всегда рад слушать твою мудрую речь.

– Как-то месяца два назад, мы разговаривали о спичечной фабрике в Танги, – сказал я.

– Забыл, совсем забыл, – улыбнулся Тантунчок. – Но если директор Матур помнит об этом, значит, так и было.

– Позволь вернуться к этому разговору.

– Хочешь стать спичечным королем? В нашей стране это не большая честь. Ведь у тебя есть одна спичечная фабрика?

– Это не моя фабрика, – поправил я Тантунчока. – Это национализированная фабрика, я лишь числюсь ее директором.

– И хочешь купить мою старую, не дающую дохода фабрику в Танги? Может быть, чтобы подарить ее государству?

– Не исключено, – сказал я спокойно. – Особенно после того, что случится сегодня ночью.

– Что? – Старик давно почувствовал неладное. Его черные, круглые мышиные глазки уперлись мне в лицо.

– Сегодня ночью падет правительство Джа Ролака.

– Давно пора, – сказал Тантунчок. Он старался понять, как это отразится на его делах. – И кто придет к власти?

– Твоя спичечная фабрика все равно не дает дохода, – продолжал я. В комнате не было плевательницы для бетеля, и это меня раздражало. – Если у власти будет левое правительство, начнется национализация. И ты лишишься фабрики. Может, безвозмездно.

– Ты уверен, что фабрика уцелеет в твоих руках?

– У меня нет такой уверенности, – улыбнулся я.

– Народный фронт разгромлен, – рассуждал вслух Тантунчок. – Вряд ли они могли бы… – И он помолчал, потом добавил: – А твой Урао никогда не стал бы национализировать фабрики…

Мышиные глазки Тантунчока метнулись ко мне, проверили, не отразилось ли что-нибудь на моем лице.

– А если никакого переворота и не будет?

– Разве бы я посмел солгать?

– Нет, – согласился со мной Тантунчок, – не посмел бы. Ты согласен заплатить цену, над которой смеялся месяц назад?

– Нет, – сказал я. – Цена в четыреста тысяч ват меня не устраивает. Но я готов заплатить сто тысяч.

– Шутник! – морщинки собрались вокруг глаз Тантунчока. – Фабрика застрахована в триста пятьдесят тысяч.

– Ну что ж, – искренне вздохнул я, – тогда подожги фабрику и получи страховку. Но сделать это надо срочно.

Тантунчок мог бы возмутиться, выставить меня за дверь, но он ничего подобного не сделал.

Фабрика в Танги стоила по крайней мере четыреста тысяч. И главное, так она была оценена в списках управления снабжения армии. Больше ни слова о фабрике. Лишь одно скажу: национализация не проводится в первый же день после смены власти. Это требует времени и организации.

– Я знаю, – сказал я, – что твои дела привлекут внимание нового правительства. Я предлагаю спасение. Большего не предложит никто. Теперь я, с твоего позволения, уйду. Но предупреждаю: через неделю я не дам за фабрику и пятидесяти тысяч.

Я поднялся. Тантунчок не останавливал меня. Я спросил:

– Ты не примешь решения?

– Уходи, – сказал Тантунчок; малаец стоял в дверях, словно опасался, что я не подчинюсь.

– Ты должен быть мне благодарен, – сказал я на прощание. – У тебя есть два часа, чтобы принять меры. Деловые люди должны помогать друг другу.

Улица перед кинотеатром опустела. Последние торговцы тушили газовые лампы, подсчитывали нищенскую выручку. Далеко, на башне вокзала, часы пробили одиннадцать раз.

Машина стояла за углом; я с минуту сидел, положив руки на руль, и продолжал думать. В конце концов я решил, что визит к Тантунчоку был не напрасным. Через два-три часа он убедится в моей правоте. И если я был прав в том, что переворот произойдет сегодня ночью, он поверит и в национализацию. И он продаст мне эту фабрику. А если так, то записка К. уже принесла мне по крайней мере триста тысяч ват.

Я исполняю свой долг перед семьей – она нуждается в одежде и пище. Добиваясь собственного блага, я способствую общему благу государства. Встреча с Тантунчоком, хоть и не совсем удачная, способствовала внутреннему удовлетворению. Теперь я мог полностью выкинуть из головы материальные заботы.

ДИРЕКТОР МАТУР

Гостиница «Империал» не отвечает своему гордому названию, хотя когда-то, более полувека назад, она считалась импозантной и предназначалась для чиновников из Калькутты или Сингапура и для богатых индийских дельцов. Стоит она неподалеку от порта, на границе Китайского города, ее викторианский фасад потерял респектабельность, а тяжелые гипсовые украшения, которые должны напоминать постояльцам о старой доброй Англии, осыпались.

Китаец-портье мирно дремал за конторкой, и при желании я мог бы незаметно пройти в нужный мне номер. Но господина Дж.Суна нельзя беспокоить ночью, не предупредив заранее.

Я подошел к стойке и постучал по ней костяшками пальцев. Портье проснулся, растерянно моргнул, но ему было достаточно одного взгляда, чтобы осознать, что имеет дело с джентльменом.

– Господин из двадцать четвертого номера у себя?

Портье бросил взгляд на доску с ключами. Я сделал это раньше его. Ключа от двадцать четвертого номера там не было.

– Предупредите его, что пришел господин Матур.

Вежливость – достоинство королей, так учил нас отец Джонсон в миссионерской школе. Я всегда вежлив с теми, кто ниже меня.

– У него гости, – ответил портье, разглядывая потолок, на котором не было ничего, достойного внимания.

Я не успел поставить портье на место, как услышал, что сверху со скрипом приехал лифт. Из него вышел господин Дж.Сун и незнакомая мне девушка. Кабина лифта была хорошо освещена, и я мог оценить вкус господина Суна. Я хотел было подняться, но не счел удобным сделать это в присутствии девушки, которая происходила из хорошей, хотя и небогатой семьи, – подобные суждения, и всегда верные, я выношу почти мгновенно.

Портье выскочил из-за стойки и побежал на улицу звать такси.

– Непременно, – донеслись до меня слова господина Дж. Суна, – все будет в порядке. Завтра в десять утра я вас жду.

Нужна крайняя смелость либо крайняя нужда, чтобы молодая девушка решилась прийти в гостиницу в этом сомнительном районе. Хрупкая красота девушки, подобная красоте цветка, произвела на меня впечатление.

Я пытался понять, откуда она и что связывает ее с господином Дж.Суном, однако вынужден был отказаться от этих попыток.

Сун вернулся в холл. Я вышел из темноты.

– Что-нибудь важное? – спросил господин Сун, не здороваясь. Он лишен хороших манер, он, как говорят американцы, «селф-мейд мэн», то есть никому не обязан своей карьерой. Но Сун пользуется большим весом в своем, не всегда благонамеренном, мире.

– Очень важное, господин Сун, – ответил я. – Мне не хотелось бы говорить здесь.

Господин Сун кивнул, и мы направились к лифту.

– Говорите, – сказал Сун, пропуская меня в комнату.

– Важная новость, – сказал я, – для господина князя. Полагая, что вы сможете связаться с его светлостью…

– Что случилось?

– Сегодня ночью будет военный переворот.

– Кто во главе?

– Очевидно, бригадир Шосве.

Я протянул Суну записку. Он указал мне на кресло, сам сел в другое, налил себе виски из бутылки, стоявшей на столике.

– Когда вы получили ее? – спросил Сун, складывая записку.

– Записку следует уничтожить, – сказал я.

Сун кивнул:

– Информация получена только что. Я сразу поехал к вам.

Он надолго задумался. Я поглядел на часы. Менее чем через полчаса танки пойдут к президентскому дворцу. Мне хотелось скорей вернуться домой: в любой момент может начаться стрельба, а у меня дома беззащитные женщины и дети…

Я прервал ход мыслей Дж.Суна, заявив, что теперь, по выполнении долга, я хотел бы вернуться домой.

Тогда господин Сун сказал, что в силу изменившихся обстоятельств важно, чтобы верный человек немедленно отправился в Танги и передал князю пакет. Я возразил, что моя кандидатура исключается. В минуты опасности я должен находиться рядом с семьей.

Господин Дж.Сун умолял меня, предлагал деньги. Если власть перейдет к армии, свобода передвижения будет ограничена. Я же относился к числу немногих, имевших достаточное влияние, чтобы отправиться куда угодно. Но я был непреклонен.

– Директор Матур, – сказал он, – мы благодарны вам за помощь. Но от того, как быстро мы сможем ответить на этот шаг армии, зависит благосостояние и, может, даже жизнь вашего друга князя Урао. Неужели вы откажете в помощи в такой момент?

– Мое имущество и жизнь в распоряжении моих друзей, – ответил я. – Но долг перед семьей сильнее, чем голос дружбы.

– Тогда, – сказал господин Дж.Сун, – вы не вернетесь к детям. Знаете, какой властью я пользуюсь в этом районе?

– Да, – сказал я. – Знаю. Но я не боюсь физического насилия. Если мне суждено погибнуть, на то воля судьбы.

С этими словами я с негодованием покинул комнату и направился к выходу. Я был убежден, что когда князь Урао узнает о шантаже господина Дж. Суна, он прервет с ним все отношения.

Я быстро миновал холл гостиницы и вышел на улицу. Скорее бы добраться до машины и покинуть этот портовый район.

Но я не успел уехать. На улице, в трех ярдах от дверей гостиницы, стояли два человека. При виде их мое сердце дрогнуло. Я не отношу себя к смелым людям – смелость никому еще не продлевала жизни. И когда эти люди шагнули мне навстречу, я повернул обратно. Поднимаясь на лифте, я утешал себя мыслью, что в Танги я смогу побывать на спичечной фабрике Тантунчока и еще раз оценить ее.

«Лигон. 10 марта.

Его светлости князю Урао Као. Княжеская резиденция, Танги.

Дорогой князь, к моменту получения письма Вы уже будете в курсе дел. К сожалению, я не много успел сделать, так как получил сведения о перевороте только за час до его начала. Виновен в этом Ваш жирный любимец Матур. Я проверил – он узнал обо всем от К. в десять вечера, но где-то пропадал два

часа, – видно, устраивал свои дела, хотя сделал вид, что прибежал ко мне, не теряя ни секунды. Хотел бы я знать, где он провел два часа.

Когда я велел собираться в Танги, чтобы передать Вам пакет, он было раскудахтался, и пришлось его припугнуть. Надеюсь, это пойдет ему на пользу.

В десять ко мне придет Л. Я передам ей обещанное. Надеюсь, что она сможет устроиться на самолет, улетающий в Танги. На нем должны отправлять туда оружие, рацию, медикаменты. Там же летит представитель ревкомитета. Кого назначат на эту должность, еще неизвестно. Решение зависит от бригадира.

Немедленно по получении новых сведений направлю их Вам. Искренне Ваш Дж.Сун».

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛЬНЫЙ

Центр был перекрыт, и я добрался до представительства только в 10:30. У себя я не застал никого, кроме садовника, который открыл мне ворота.

Как только я вошел в выставочный зал и ощутил знакомый, но неприятный запах керосиновой политуры, которой вчера натирали пол, я услышал, что в моем кабинете звонит телефон.

– Юрик?

Я узнал голос Александра Ильича Громова, секретаря Михаила Степановича.

– Вспольный слушает, – ответил я.

– Я к тебе полчаса не могу дозвониться. И дома тебя нет.

– Я заезжал в больницу к Дробанову, а центр перекрыт танками.

– Ну и как Дробанов?

Вопрос Громова был данью вежливости. Представитель Союза обществ Дружбы Николай Сергеевич Дробанов, мой начальник, должен был завтра выписаться. Десять дней тому назад ему сделали операцию аппендицита, которая прошла удачно.

– Температура нормальная, завтра приедет домой, – сказал я. – А что нового в посольстве?

– Все в порядке, – ответил Громов, – ты срочно нужен Соломину. Если не возражаешь, приезжай.

– Я свободен, – ответил я, игнорируя всегдашнюю насмешку в голосе Громова.

Я опустил трубку на рычаг. Меня вдруг охватило странное предчувствие, что я не скоро вернусь в мой кабинет. Я окинул взглядом комнату, не забыл ли где-нибудь бумаги, проверил, заперты ли ящики письменного стола. В кабинете стоял затхлый теплый воздух – кондиционер был с вечера выключен, а Хасан не удосужился проветрить помещение, хотя я специально просил его об этом. Мне вдруг захотелось пить. Я достал из холодильника последнюю бутылку оранжа. Высокий, сразу запотевший стакан приятно холодил ладонь. Я упоминаю эти незначащие детали, потому что они отражают напряжение, владевшее мной с того момента, как я проснулся ночью от грохота под окном и увидел, как по тихой улице один за другим идут три танка. Заперев кабинет и покинув здание представительства, я увидел, что садовник все так же стоит у машины. У него были очень тонкие, сухие ноги, дхоти подобрано высоко и забрано за пояс. Я подумал, что при переворотах и революциях страшнее всего беззащитным иммигрантам, беднякам, приезжающим на заработки.

Когда я пересекал улицу Свободы, бывшую Виктория-стрит, на соседнем перекрестке, у пагоды Забаган, увидел танк. Люк был открыт, и на башне, свесив ноги, сидели два солдата с автоматами.

Слухи о возможном перевороте витали в воздухе уже не первый месяц. В качестве организаторов называли и правых сепаратистов, и репрессированную правительством партию Народной свободы. Было ясно, что слабое, раздираемое внутренней борьбой, продажное правительство Джа Ролака неминуемо будет свергнуто – но когда и кем, оставалось тайной. И вот бригадир Шосве… что принесет этот переворот трудолюбивому лигонскому народу?

По мере приближения к посольству мои мысли перешли к предстоящему разговору с Иваном Федоровичем Соломиным. На время отпуска Михаила Степановича советник Соломин замещал его. Я никак не ставлю под сомнение деловые качества Ивана Федоровича, но убежден, что, не будучи кадровым дипломатом, Соломин не обладает тем огромным опытом, выдержкой и хладнокровием, которые свойственны Михаилу Степановичу. И надо же было так случиться, что Михаил Степанович улетел в Москву на совещание и буквально тут же случился переворот. Теперь вся ответственность за деятельность нашего небольшого посольства легла на плечи Ивана Федоровича.

По бетонной дорожке, огибающей газон, обсаженный каннами, я подвел машину к стоянке.

Громов встретил меня на лестнице. Он, как всегда, спешил и, увидев меня, громко сказал:

– Привет, Пиквик, Соломин тебя заждался.

Не дав мне ответить, он исчез. При всей моей терпимости я не выношу панибратства, свойственного, в частности, Громову. Забывая о почти десятилетней разнице в возрасте, он порой позволяет себе шутки далеко не лучшего свойства.

Перед кабинетом Ивана Федоровича я был вынужден несколько минут подождать, так как советник проводил совещание с военным атташе, о чем мне сказала Ниночка.

Наконец военный атташе Николай Павлович вышел из кабинета Ивана Федоровича, поздоровался со мной и поспешил к выходу. Я не стал задерживать его. Сегодня у работников посольства много неотложных дел. Я не сомневался, что именно в свете этого Ивану Федоровичу понадобилась моя помощь. Михаил Степанович неоднократно прибегал к ней в периоды составления отчетов и иной документации, признавая тем самым мои способности к такого рода работе.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ СОЛОМИН

Это был сумасшедший день, и я чуть было не забыл о приезде профессора. Спасибо, Саша Громов, светлая голова, улучил момент относительного затишья и напомнил:

– Что будем делать с учеными?

Глаза у Саши были красные. Я поднял его в час ночи. С тех пор он вертелся белкой в колесе, не теряя, правда, чувства юмора.

– С какими еще учеными? – рявкнул я. Я только что вернулся из министерства иностранных дел, где всем заправлял пехотный майор, наши переводчики никак не могли справиться с простой на первый взгляд, но не однозначной лексикой программного заявления Революционного комитета, два сотрудника ГКЭС уехали с вечера на море и там были задержаны солдатами, и так далее…

– Иван Федорович, помилуйте, – сказал Саша Громов. – Вы же лично собирались встретить профессора Котрикадзе.

– Разумеется, – ответил я, как положено начальнику, который не забывает о вчерашних решениях. – Во сколько самолет?

– В двенадцать двадцать.

– Больше на борт к нам никого нет?

– Только двое. Профессор и с ним сотрудник.

– Номера в гостинице заказаны?

– В том-то и сложность. Номера в гостинице заказаны лигонской стороной. Они же взяли все расходы на себя. Но где сейчас те, кто брал на себя эти обязательства, ума не приложу.

– Со временем узнаешь. Лучше проверь.

– Ничего не получилось. Правда, я отыскал знакомого чиновника в министерстве шахт и промышленности. Он обещал связаться с Временным комитетом, через час позвонить.

В иной ситуации я был бы рад поехать на аэродром, встретить профессора. Лигонцы бы осветили его приезд в местной прессе. А вот сейчас профессор превратился в обузу. Но революция или нет, стихийные бедствия будут продолжаться. Они не обращают внимания на степень прогрессивности правительства.

Тут меня отвлек телефонный звонок. Чешский посол хотел заехать после ленча. Договариваясь с послом, я продолжал в уголке мозга размышлять о профессоре Котрикадзе… В горах неспокойно…

– Ладно. Пока суть да дело, надо встретить их на аэродроме. Где представитель Аэрофлота?

– Наверное, уже там.

В дверь сунулись стажеры с очередным вариантом перевода.

– Надо быть готовым к любому обороту дела, – сказал я. – Кто-то должен поехать от нас.

– Собирался ехать корреспондент ТАСС.

– Исключено. Он не поедет. Кто еще? Думай, тебя же учили.

– Думать не учат, – вздохнул Саша. – Это у меня в генах.

– И из посольства никем не могу пожертвовать.

– И из ГКЭС, и из торгпредства, – развил мою мысль Саша.

– А что ты думаешь о Вспольном? Он просился в Танги.

– Понимаете… рохля он.

– Но язык знает и в стране уже второй год. Как Дробанов?

– Завтра выписывается.

Вспольный появился после одиннадцати. Вид у него был одновременно покорный (наверное, потому, что опоздал) и возвышенный. Он полагал, что я поручу ему написать эпохальный доклад, который никто из нас, простых смертных, не в силах сформулировать.

– На той неделе вы просились в горы, – сказал я.

– У вас изумительная память, Иван Федорович, – поделился со мной нечаянной радостью Вспольный, поправляя круглые очки. – Я побеспокоил вас этой просьбой исключительно в интересах дела…

– Считайте, – сказал я, – что я вашу просьбу о поездке удовлетворил.

Он изумленно хлопнул светлыми ресницами.

– Но при одном условии. Вместе с вами едут два наших геолога. Они сегодня прилетают в Лигон. Вы их встретите, проследите, чтобы они были размещены и груз был в целости. А в горах поможете им. Вы ведь знаете язык?

– В умеренных пределах, – поспешил с ответом Вспольный. – К тому же, ввиду сложности внутреннего положения…

– Вот, возьмите эту синюю папку, там все документы. Самолет прибывает в двенадцать двадцать.

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Когда самолет поднялся, оставив внизу раскаленный Дели, я откинул полочку перед своим креслом и разложил сувениры. Я купил их на девяносто рупий. Отар изобразил презрение и сказал:

– На обратном пути ты бы сделал то же самое с большей пользой для родственников и поклонниц. Теперь будешь три месяца таскать этих слоников в чемодане и проклинать свою склонность к экзотике.

– Хорошо быть опытным путешественником, – ответил я. – Может, это мои первые зарубежные сувениры.

Отар потерял ко мне интерес и распахнул пухлую индийскую газету. Он вел себя, как чин из ЮНЕСКО, который только и делает, что посещает отдаленные страны. Он немного пижон. По утрам гладит брюки, даже если живет в тундре. Нужды в этом нет, но какой-нибудь Юлий Цезарь тоже так делал, а Отар следует доброму примеру. Цезарь гладил брюки и перешел Рубикон. Отар Котрикадзе гладил брюки и стал академиком. Вернее, станет.

– Так, – сказал тут Отар спокойно, – осложнение.

– Какое? – спросил я. Угадать масштабы осложнения по тону Отара нельзя. Может быть, он забыл дома запасные шнурки от ботинок, может быть, страна Лигон провалилась в тартарары. Говорят, что грузины – эмоциональный народ. Эмоциональный – это я, представитель обрусевшей части корейского народа.

– Прочти, – Отар протянул мне газету.

– Спасибо, шеф, – сказал я. – Для меня чтение этой заметки – невыносимое умственное напряжение. А вы все равно уже прочитали.

– Для практики полезно, – отрезал Отар. Он меня вечно заставляет учиться. Пришлось читать.

«Как сообщает агентство Рейтер, сегодня ночью в Лигоне произошел военный…»

– Что такое коуп дета?

– Это французское выражение – переворот.

– Ага, переворот… – Я снова углубился в текст, и минуты через две меня осенило: – Слушайте, Отар, мы же туда летим!

– Вот именно. – Отар отобрал у меня газету и принялся листать ее в расчете найти другие сообщения из Лигона.

– Нас же премьер-министр приглашал, – осведомил я Отара. – А он… Судьба неизвестна.

– Не преувеличивай, – сказал Отар. – Премьер-министр и не знал о твоем существовании.

– Так что же, поворачивать назад?

По мере того как до меня доходил смысл, настроение портилось. Я уже представил себе, как нас встречают на аэродроме черные полковники… Даже хорошо, что я купил сувениры. Приеду, все будут спрашивать, как в тропиках, а я им в ответ слоника. Бывает же такое невезение. Два месяца оформляли документы, готовили оборудование, весь институт старался, а они – военный переворот.

– А ведь уезжать обратно нам нельзя, – сказал Отар. Это ко мне не относилось. Профессор думал вслух.

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛЬНЫЙ

Должен признаться, что я покинул кабинет Ивана Федоровича в некоторой растерянности. К сожалению, напряженность момента не позволила мне аргументированно возразить Ивану Федоровичу: ведь я обращался в свое время

к руководству посольства с просьбой направить меня в горные районы для ознакомления на месте с состоянием советско-лигонских культурных связей, полагая тщательно подготовиться, проштудировать нужную литературу и принести наибольшую пользу делу, а также способствовать сбору материалов для моей будущей книги, так как, за исключением группы врачей, выезжавших в тот район два года назад на эпидемию чумы, никто из советских граждан там не бывал. И вдруг обнаруживается, что я должен в тревожной внутриполитической обстановке немедленно лететь в горы, сопровождая (что не входит в круг моих обязанностей) незнакомых мне ученых. К этому следует приплюсовать еще и болезненное состояние моего начальника, которому придется взять на свои не окрепшие после операции плечи весь объем работы СОДа.

Мой «Москвич» раскалился на солнцепеке так, что я обжегся, взявшись за ручку дверцы. Я снял пиджак и повесил его на крючок в салоне «Москвича». До прибытия на аэродром я позволю себе поблажку. Возможно, я излишне привержен протоколу, однако это дисциплинирует и меня и окружающих.

Улицы были пустынны, однако я не стал относить этот факт к последствиям военного переворота, так как в Лигоне в это время дня даже собаки предпочитают отлеживаться в тени деревьев. Я проехал по тихой, респектабельной улице Серебряная Долина, чтобы выехать на шоссе за университетским кампусом. Там, на перекрестке, несмотря на номер моей машины, меня остановили солдаты. Я проникся к ним сочувствием, так как они исполняли свой долг в полном обмундировании. Я успел на аэродром лишь за пять минут до прибытия самолета из Дели, и мне стоило некоторых трудов пройти к взлетному полю: там тоже были военные патрули.

Я остановился в тени, под козырьком здания аэропорта, и, пока к самолету везли трап, успел прочесть листок из синей папки, переданный мне Иваном Федоровичем:

«…В соответствии с договоренностью, достигнутой между министерством шахт и промышленности республики Лигон и Академией наук СССР в г.Танги (округ Танги, республика Лигон), направляются заведующий лабораторией прогнозирования сильных землетрясений Института сейсмологии АН СССР доктор геолого-минералогических наук профессор Котрикадзе Отар Давидович и старший научный сотрудник лаборатории кандидат физико-математических наук Ли Владимир Кимович…»

Я оторвался от текста, чтобы взглянуть на самолет. Два автоматчика стояли внизу, у трапа. Офицер в пятнистом комбинезоне поднимался в самолет.

Горячий воздух переливался над полем аэродрома, как вода. Пахло бензином, перегоревшим рисом и какими-то пряностями, которые, сливаясь с запахом машин, создавали специфический, не очень приятный запах, свойственный всем тропическим аэродромам.

ОТАР ДАВИДОВИЧ КОТРИКАДЗЕ

Я разговаривал с Володей, пил сок, принесенный стюардессой, смотрел в окно – делал все, что положено пассажиру, а мысли бегали по кругу: что делать? Внизу тянулись зеленые холмы, синие ниточки рек – лесное безлюдье. Потом показалась широкая плоская равнина, поделенная на большие и маленькие квадратики – рисовые и тростниковые поля, среди них, в купах деревьев, прятались деревеньки, иногда выглядывала белая или золотая пирамидка буддийской пагоды. Мне казалось, что я вижу, как по пыльным улочкам деревень проходят военные патрули.

Самолет снизился над окраиной Лигона и, легонько подпрыгнув на бетонной полосе, покатил к зданию аэропорта. В позапрошлом году, возвращаясь из Австралии, я провел здесь часа два. Я запомнил просторный зал ожидания с фреской во всю стену, изображающей сцену из Рамаяны.

Пассажиры начали отстегивать ремни, шевелиться, предвкушая отдых в кондиционированном аэропорту, но стюардесса тут же разочаровала их, объявив, что из самолета выходить нельзя. Никто, кроме нас с Володей, не знал, в чем дело. Поднялся ропот. Особенно возмутились две американские бабушки-туристки с фиолетовыми буклями и в шляпках с цветочками.

Я старался не думать о том, что вне моей власти. Володя приклеился носом к иллюминатору, и для меня остался лишь узкий полумесяц стекла, за которым была видна стена аэропорта и клочок выцветшего от жары неба. Самолет чуть

вздрогнул, когда о фюзеляж ударился трап. Волна влажного горячего воздуха прокатилась по салону. Между кресел быстро прошел офицер в пятнистом комбинезоне и высокой фуражке.

– А там танк стоит, – сообщил Володя. – А у трапа автоматчики. Может, нас не выпустят? Скажут, чтобы летели в Бангкок?

Офицер вышел из кабины. За ним – пилот. Офицер медленно заговорил на школьном английском языке:

– Пассажиры в Лигон, следуйте за мной. Остальные пока ждут.

Поднялся недовольный гул, но офицер четко, словно на параде, прошел к выходу, не обращая внимания на бунт. Мы с Володей поспешили за ним, и я почувствовал неприязнь, с которой на нас смотрели остающиеся, – неожиданно мы стали элитой этого маленького общества, а так как иных заслуг у нас не было, оно считало наше возвышение несправедливым.

Воздух снаружи был таким плотным и горячим, что я на мгновение замер на верху трапа, чтобы собраться с духом и сделать следующий шаг. Я, как назло, был в темной шляпе, костюме, с плащом через руку и являл собой дикое зрелище.

– Я согласен улететь обратно, – сказал Володя, спускаясь за мной, – такой жары я не встречал даже в Каракумах.

– Неправда, – сказал я, не оборачиваясь. – Там было жарче. Только суше. Здесь влажность большая.

Мы шли вслед за офицером через поле к спасительной прохладе и тени аэропорта. Навстречу нам широко шагал низенький коренастый мужчина в мокрой голубой рубашке, в походке и прическе которого все выдавало моего соотечественника.

– Вы из Дели? – спросил мужчина по-английски. Он не отличался моей проницательностью.

– Да, – ответил я по-русски. – Вы нас встречаете?

– Товарищ Котрикадзе?

– Да. У нас груз…

– Не беспокойтесь. Вон там, под навесом, стоит товарищ Вспольный из СОДа. А я – представитель Аэрофлота. Спешу выручать пассажиров, пока не изжарились. Никто сегодня не хочет брать на себя ответственность. Аэродром закрыт, чтобы кто-нибудь не воспользовался… Вы знаете, что у нас здесь?

Над самыми головами пронесся реактивный самолет. Когда я оторвал от него взгляд, представитель Аэрофлота уже разговаривал с офицером в пятнистом комбинезоне.

В тени у здания аэропорта таился товарищ Вспольный из СОДа. По крайней мере, больше там никого не было. Вспольный, из солидарности с нами или из любви к этикету, жарился в пиджаке, его мягкое невыразительное лицо казалось распаренным, желтые волосы прилипли к черепу и лишь на висках, над ушами, завились тугими колечками. Он прицелился в нас светлыми глазками под толстыми стеклами круглых очков в тонкой оправе, сделал шаг навстречу и замер, будто не был уверен, нас ли должен встречать. Я протянул руку, он прикоснулся к ней теплой, влажной ладонью и с облегчением сказал:

– С приездом. Пройдем в зал, а то здесь крайне жарко.

Мы расселись на скользких низких креслах в зале, напоминавшем рай для правоверных мусульман. Правда, в этом прохладном раю были закрыты киоски и отсутствовали гурии – мы были его единственными обитателями. Я было заговорил о багаже, но Вспольный остановил меня и сказал негромко, но значительно:

– Ситуация изменилась. Сегодня ночью имел место переворот, значение которого мне лично еще не во всех деталях ясно.

– Знаем, – сказал Володя, разглядывая фрески и разрушая этим таинственную атмосферу, навеянную тоном Вспольного.

– И как это отразится на нас? – спросил я.

– На вас? Ваша командировка в горы будет отложена, – ответил он убежденно. – До лучших времен.

Я заподозрил, что он не знает, зачем мы приехали.

– Исключено, – сказал Володя. – Лучших времен не будет.

Вспольный ответил мне, а не Володе:

– Не беспокойтесь, Отар Давидович. Все будет улажено. Иван Федорович направил меня специально для того, чтобы вы не беспокоились. Сейчас мы оформим документы, получим багаж и поедем в гостиницу. У вас есть переводчик?

При этих словах он посмотрел на Володю. Володя покраснел – он легко краснеет – и ответил:

– Я не переводчик. Я геофизик.

– Ну что ж, тогда, раз представитель Аэрофлота… Дайте мне ваши паспорта и квитанции на багаж. Вообще-то вас должен был встретить представитель лигонской стороны, но в свете…

Мы отдали ему паспорта и прочие бумаги.

– Вы посидите, – сказал Вспольный. – Боюсь, что даже носильщиков сегодня нет…

С этими словами он вытащил свое мягкое тело из кресла и побрел к двери. В зал на последнем издыхании ввалились пассажиры нашего самолета. Они бросались к креслам, как верблюды к источнику. Замыкая процессию, бок о бок шли офицер в пятнистом комбинезоне и представитель Аэрофлота, довольные собой, по-отечески добрые к спасенным пассажирам.

Откуда-то возник изможденный индус и начал быстро распаковывать киоск с сувенирами. Сверху по лестнице сбежал официант в малиновой ливрее, с подносом, уставленным бутылками кока-колы. Нам с Володей тоже досталось по бутылке. Незаметно подошедший худой офицер остановился у наших кресел и спросил:

– Господин Котрикадзе? Господин Ли?

Я обвел глазами зал в поисках представителя Аэрофлота, но тот куда-то исчез. Бабушки в цветочных шляпках смотрели на нас с сочувствием. Мы уже не были выскочками. Мы попали в плен, а жалкая судьба пленников вызывает у зрителей сочувствие.

ТИЛЬВИ КУМТАТОН

Предыдущую ночь я провел в штабе бригадира Шосве. Командующий использовал меня для связи с военными округами. Затем я попал на первое заседание Революционного комитета. В 13:30 мне пришлось с двумя танками блокировать полицейский участок у порта, потому что тамошний начальник решил сохранить верность правительству. Моим танкистам не пришлось сделать ни одного выстрела. При виде танков полицейские скрутили начальника и сдались. В 4:30 началось совещание бригадира с лидерами политических партий, а через сорок минут мне пришлось покинуть совещание и вылететь на истребителе в Калабам с приказом бригадира об отстранении полковника Синве. Когда я добрался до пыльного Калабама, полковник Синве уже бежал к таиландской границе, и мой визит оказался пустой формальностью. В 9:20 мой самолет вновь опустился в Лигоне. Мне хотелось спать. Я вернулся в президентский дворец. Кабинет бригадира Шосве находился в бывшей парадной столовой президента, гурмана и чревоугодника. На белом овальном столе были расстелены карты. Фен под потолком гонял воздух, и бригадир, чтобы не разлетелись листы, прижимал их по краям ладонями.

– Все в порядке, Тильви? – спросил бригадир.

– Все в порядке, бригадир, – сказал я.

– Отлично. У нас для тебя новое задание. Выспишься потом, когда победим. Полетишь сегодня в Танги. Там только одна рота. Полковник Ван подготовил тебе документы.

Я мог гордиться поручением революции. Хотя это была не прогулка. Там хозяин – князь Урао. А в городе много его сторонников. И сторонников свергнутого правительства.

– С этой минуты ты – комиссар Революционного комитета в округе Танги в чине майора.

– Я – капитан.

– Преимущество революции заключается в том, что ее участники могут в случае победы рассчитывать на повышение в чине. В случае поражения – на веревку. Ясно?

Бригадир не улыбался.

В дверь заглянул автоматчик.

– Пришли, – сказал он.

В столовую вошли только что освобожденные из тюрьмы лидеры Народного фронта. Одного или двух я знал по фотографиям. Некоторые еще были в тюремной одежде.

– До свидания, – сказал мне бригадир и поспешил вокруг стола, чтобы встретить освобожденных. Вдруг он остановился и сказал:

– Не удивляйся, когда полковник Ван скажет тебе о двух иностранцах, профессорах. Это мой приказ.

Кабинет начальника оперативной части полковника Вана помещался в музыкальной гостиной, где президент хранил коллекцию музыкальных

инструментов. У стен стояли высокие старинные барабаны, над ними висели лютни, бамбуковые дудки, колокольчики, а посреди торчал рояль цвета слоновой кости.

– Можно поздравить с повышением? – спросил меня Ван. Он тоже давно не спал. На его плечах лежала писанина, а помощников было мало, никто в революцию не хочет заниматься писаниной.

– Надо достать звездочки, – сказал я. – В документах, наверное, указано, что я майор.

– О, мальчишеское тщеславие! – воскликнул Ван. – Не зазнавайся. Я тебе открою тайну: ты получил майора, потому что и начальник полиции и комендант Танги – капитаны.

– А что еще за иностранцы? – я счел за лучшее перевести разговор на другую тему.

– Слушай по порядку. Ты полетишь в Танги специальным самолетом. С тобой автоматчики. Возьмешь медикаменты, оружие, газеты, листовки. И русских геологов с грузом. Это личный приказ бригадира. И ты, капитан, отвечаешь головой за их безопасность. Вот их мандаты на свободное передвижение по округу. И третий, незаполненный.

– Зачем?

– Русские наверняка пошлют с ними кого-нибудь из посольства. Кто знает язык. Они прилетают из Дели в двенадцать двадцать.

На прощание он сделал мне хороший подарок. Он достал новенькие майорские погоны и сказал:

– В машине нацепишь. В штабе этим не занимайся.

К прилету русского самолета я опоздал. Он уже полчаса как прилетел. В транзитном зале толкалось десятка три пассажиров с этого самолета. Аэропорт закрыт, чтобы желающие бежать за границу не воспользовались оказией.

Я увидел лейтенанта в камуфляжном комбинезоне.

– Послушай, брат, – спросил я его, – кто сходит в Лигоне?

Лейтенант показал на двух человек, сидевших в креслах и тянувших через соломинки кока-колу. У меня отлегло от сердца. Я не хотел обременять себя штатскими, тем более иностранцами, но приказ есть приказ. Если бы они уехали в город, моя задача бы осложнилась.

Один из русских геологов оказался стройным, подтянутым, сухим мужчиной лет сорока, у него был крупный, как у индийца, нос и густые брови. Он сидел спокойно, положив руки на колени. Я заглянул в мандат, выданный Ваном.

– Господин Котрикадзе? – спросил я. И удивился, что у русского фамилия похожа на японскую.

Старший из них поднялся.

Я прочитал вторую фамилию. Господин Ли оказался не старше меня. Лицо у него было широкое, скуластое, он был похож на горца. В России живет много национальностей. Возможно, что и наши родственники.

Я предложил им следовать за мной. Времени было в обрез. Пока мы шли через зал, я объяснил, что встречаю их по поручению Революционного комитета. Я спросил, где их документы.

– Их взял представитель посольства. Он должен быть где-то здесь, – сказал Котрикадзе. Он хорошо говорил по-английски.

– Тогда покажите мне его, – сказал я. – Ваш груз и документы не должны проходить таможню. Вы – гости Революционного комитета. Мы спешим, нам некогда. Мы вылетаем в Танги.

КАНЦЕЛЯРИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ЛИГОН (зачеркнуто).

КАНЦЕЛЯРИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО

КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ ЛИГОН. 10 марта.

ВСЕМ, КОГО ЭТО МОЖЕТ КАСАТЬСЯ

Предъявитель сего, профессор Отар Котрикадзе, выполняет задание Революционного комитета, имеющее особое значение для блага лигонского народа. Профессору Котрикадзе дозволен проезд любым видом транспорта в пределах округа Танги и Горных княжеств. Местные власти, а также старосты деревень и вожди племен обязаны оказывать ему содействие транспортом, жильем и любой помощью. Не исполнивший этого указа Революционного комитета будет наказан по законам военного времени.

Председатель Временного революционного комитета бригадный генерал Шосве Кам. Лигон.

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Вот и обошлось. А мы волновались. Правда, я еще утром предвкушал вечер в экзотическом Лигоне, шумные восточные улицы и огни реклам. А мы улетаем через час. Но могло быть и хуже.

Пока Вспольный бегал куда-то утрясать и согласовывать, майор объяснил шефу ситуацию. Регулярное сообщение у них прервано. Но в Танги летит спецрейс, который захватит нас.

Видно, майор не сомневался, что мы согласимся лететь. Он прав. Отар делает вид, что иной встречи не ожидал. Можно подумать, что его всегда встречают мрачные майоры. Мои слоники и браслетики бряцали в сумке. Зачем только я их накупил?

Майор передал нас солдату, который провел нас наверх, на галерею, где вдоль стеклянной стены располагалось кафе. Солдат указал на столик у окна. Официант в малиновом костюмчике в мгновение ока накрыл стол на троих. Я не

был голоден, но Отар велел мне поесть – неизвестно, когда это случится в следующий раз. На взлетном поле одиноко стоял наш «Ил». В кафе было прохладно и пусто, если не считать одинокой девушки через два столика от нас. Черные прямые волосы девушки были собраны в тяжелый пук на затылке и украшены белым цветком. Перед девушкой стоял бокал с лимонадом.

– Володя, погляди, не ищет ли нас Вспольный, – сказал Отар.

Я подошел к перилам галереи и заглянул вниз. Отар прав. Вспольный стоял посреди пустого зала и сверкал очками. Он поднял голову, увидел меня и обрадовался.

– Идет, – сказал я Отару, возвращаясь на свое место. Я поглядел, тут ли девушка. Она так же сидела у нетронутого бокала. Мне ее стало жалко. Мне всегда жалко неустроенных людей.

Вспольный был взволнован.

– Ума не приложу, – сказал он Отару. Он предпочитал беседовать с Отаром. – Такая ситуация, и все на мою ответственность.

К девушке за соседним столиком подошла пожилая массивная женщина с напудренным смуглым лицом. Женщина была в национальной одежде – длинной юбке и белой блузке с широкими, пышными рукавами. Она начала что-то быстро говорить.

– Значит, так… – Вспольный снял очки и протер их платком. – Я связался с посольством и имел беседу с Иваном Федоровичем. Ему уже звонили из Революционного комитета и сказали, что лигонская сторона обещает выполнить обязательства предыдущего правительства.

– Ну и хорошо, – сказал Отар.

– Да, – вздохнул Вспольный, – за исключением того, что в горах сложная обстановка, а мы должны вылетать. Иван Федорович специально обратил мое внимание на это и просил довести до вашего сведения. Вы можете отказаться от поездки.

– Мы уже об этом говорили, – сказал Отар. – И летим. Но вы можете остаться.

– Нет, – возразил Вспольный без энтузиазма. – Если вы летите, то и я лечу. Так Иван Федорович, кстати, сказал. А я даже собраться не успел, не переоделся…

– Мы с вами поделимся, – сказал я. – А зубную щетку и полотенце купим.

Не надо было мне вмешиваться. Вспольный посмотрел на меня с укоризной. Я представил себе, какая буря бушует в сердце нашего толстяка: в горы, в глушь, в Саратов – и без зубной щетки! Но меня сам черт за язык тянул. Я сказал:

– Я сейчас, одну минутку.

– Володя, не дури, – сказал Отар. Он все понимал, он знает меня как облупленного; но я уже бежал.

Человек часто совершает двойные поступки. Так и я. Вроде бы спешу за зубной щеткой для сопровождающего лица, а при том хочу взглянуть, куда пожилая женщина увела ту печальную девушку. В зале внутренних авиалиний ее не было. Упустил. Вся жизнь, должен сказать, соткана из встреч и расставаний.

Киоск, торговавший всякой мелочью, был открыт. Возле него стоял лишь один покупатель, странно выглядевший в теплом, черном пиджаке, белой тряпке, обмотанной наподобие кальсон вокруг ног, и черных, замечательно начищенных ботинках. Словно он торопился из дому и забыл натянуть брюки. Толстяк держал в руке такой же грузный, как и он сам, саквояж (вещи и собаки часто похожи на своих хозяев), а перед ним на стеклянном прилавке лежала груда лекарств в пачках, бутылочках и пакетиках. Я заподозрил, что он намеревается открыть частную аптеку. А может быть, он сильно болен? Я пригляделся. Но на лице никаких следов близкой кончины. Профиль у него был строгий, античный, как у римского кесаря периода упадка. Если убрать лишние подбородки и облачить его в латы, то не стыдно поставить такого героя во главе победоносных легионов. Но когда он, почувствовав мой взгляд, обернулся, оказалось, что фас его никак не соответствует героическому профилю. Энергичный подбородок и линия носа терялись в массе обвислых щек.

Я показал на зубную щетку и сказал по-английски «плиз», что означает «будьте любезны», затем отыскал глазами тюбик с зубной пастой, надеясь, что это не

крем для бритья. Продавщица информировала меня по-английски, что все это обойдется мне в два вата.

Я достал пятидолларовую бумажку.

– Ноу, – сказала женщина, показав на курившего метрах в двадцати солдата. Все ясно: сегодня мы не имеем дела с иностранной валютой.

– Я помогу вам, – сказал толстяк. – Банк закрыт.

Чтобы я не заподозрил его в злых умыслах, он показал на окошко с английской надписью «обмен валюты, чеки путешественников». Окошко было закрыто.

Я не был уверен, что поступаю правильно, вступая в валютные сделки, но зубная щетка была мне нужна.

– Совершенно честно, по курсу, – сказал толстяк.

На указательном пальце у него было два золотых перстня. Его пальцы двигались с поразительной быстротой, и губы шевелились в такт – я догадался, что он переводит доллары в ваты, стараясь меня при этом не обмануть.

Не успел я опомниться, как у меня в руке было две купюры по десять ват и много мелочи. А доллары исчезли в пиджаке.

– Спасибо, – сказал я толстяку. – Спасибо, – сказал я продавщице.

Толстяк поспешил в дальний конец зала. Там обнаружился наш майор, возле него пожилая дама и грустная девушка. Майор беседовал с женщинами, а толстяк замер в пяти шагах, скособочившись под тяжестью саквояжа.

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛЬНЫЙ

С уходом Владимира Ли возникла тягостная пауза. Отар Давидович тщательно пережевывал салат, а у меня не было аппетита. Пожалуй, на месте Ивана Федоровича я бы настоял на том, чтобы дать отдохнуть нашим товарищам, прежде чем кидать их в тревожный и отдаленный район. Однако я тут же изгнал эту мысль из головы, ибо Иван Федорович знает, что делает. Я был легко одет, а в горах вечерами температура падает ниже нуля. В моем распоряжении находилась лишь небольшая сумма денег, оказавшаяся в бумажнике. Правда, Иван Федорович обещал, что деньги будут немедленно переведены в Танги…

– Простите, – отвлек меня голос Отара Давидовича, – но хочу заверить вас, что Володя не хотел вас обидеть. Он очень отзывчивый молодой человек.

– Я сам могу о себе позаботиться, – отрезал я. Потом спросил: – Сколько мы там пробудем?

– По нашим расчетам, недели две. Может, месяц.

Ответ меня удивил. Оформление заграничной командировки требует знания сроков. Это связано с валютными расходами и переговорами с соответствующими зарубежными организациями.

– Тогда я уточню вопрос: на какой срок командировка?

– Без срока.

Я откашлялся. Зачем таиться от меня? Если лигонская сторона в курсе, то я, как ответственный работник…

– Не поймите меня превратно, – сказал Котрикадзе. – Я не шучу. Длительность нашей командировки зависит от бога. Точнее, от Плутона. Вы, видно, не успели ознакомиться с деталями?

– Меня подключили лишь за час до вашего прилета.

– Мы с Володей работаем в лаборатории по прогнозированию сильных землетрясений, и нам удалось добиться некоторых успехов. Особым образом измеряя напряжения в различных участках земной коры, мы можем определить

очаг будущего стихийного бедствия и даже его сроки.

К столику подошел Володя Ли. Он держал в руке пакетик, который положил на стол у моей руки. Затем как ни в чем не бывало уселся на место и набросился на салат. Я развернул бумагу. Там была зубная щетка и крем от перхоти.

– Спасибо, – сказал я холодно. Меня раздражают мальчишеские выходки.

– Сколько я вам должен?

– Потом сочтемся.

– Володя, не устраивай купеческих представлений, – сказал Котрикадзе.

– Юрий Сидорович их не любит.

– Два вата за все, – сказал Ли. – За щетку и зубную пасту.

Я молча передал молодому человеку деньги. Отар Давидович крутил в пальцах тюбик с кремом.

– Так и знал, – сказал он. – Тебе еще учиться и учиться. Это же крем от перхоти.

– Ужас! Я забыл, как по-английски зубная паста. Я сбегаю, сменю.

Он был расстроен. Меня это раскаяние, как ни странно, несколько примирило с молодым человеком.

– Не беспокойтесь, – остановил я его. – Продолжайте, Отар Давидович. И не старайтесь излагать свои мысли популярно. Моего образования хватит, чтобы следить за ходом изложения.

– Не сомневаюсь, – согласился со мной Отар Давидович. Он отхлебнул кофе. – Недавно нами окончены испытания установки, позволяющей улавливать и измерять напряжения в любой точке земного шара. Следовательно, если мы получаем такого рода информацию, скажем, с Камчатки, мы тут же обращаемся

к сейсмическим картам и определяем, нет ли в том месте опасного разлома… Но такие карты составлены далеко не везде.

– В том числе их нет в Лигоне, – догадался я.

– Дело не только в картах, – продолжал Котрикадзе. – Мы засекли тревожные сигналы, источник которых находится в четырехстах километрах к северу от Лигона. Судя по нашим данным, конвекционный поток, движущийся по границе разлома, может привести к стрессовой ситуации в течение ближайших недель.

– То есть будет землетрясение?

– Возможно, крайне сильное. Мы передали наши сведения в академию, а оттуда они были посланы в Лигон.

– Представляете, – вмешался Ли, – взяли данные через половину шарика! Первая удача такого масштаба.

– И редкое по силе землетрясение, – добавил Котрикадзе.

– И вас пригласили в Лигон? – Обыденность, с которой они говорили о том, что собираются провести ближайшие дни буквально на вулкане, меня нервировала.

– Для локализации очага и определения даты возможного возмущения мы должны провести полевые исследования.

– И землетрясение, которое вы предсказываете, может начаться в любой момент? – Эти слова вырвались у меня помимо моего желания. И жаль, что я не сдержался. Ли откровенно усмехнулся. Но Отар Давидович был тактичнее.

– Оно может вообще не начаться, – сказал он. – Рост напряжения не обязательно приводит к катаклизму. Все зависит от конкретных условий.

– Ну, а если?..

– Наша задача определить сроки и возможную силу землетрясения. И рекомендовать меры по защите населения и имущества.

– Мы как врачи на чумной эпидемии, – сказал Ли. – Совсем не обязательно заражать себя чумой. Лучше, если вылечим других.

В его словах я уловил иной смысл. Ведь известны же случаи, когда врачи заражали себя чумой в интересах науки.

ТИЛЬВИ КУМТАТОН

Я решил, что высплюсь в самолете, и эта мысль меня утешила. И я занялся делами, которых было немало. Из всего экипажа на аэродроме обнаружился только второй пилот. Дежурный помочь мне не мог – у него еле хватило людей, чтобы обслужить русский рейс. Вместо десяти автоматчиков, которых мне обещали, прибыло только пятеро. Врач исчез. Зато приехал лейтенант из Управления пропаганды с кипами воззваний и сказал, что летит с нами. Радиста кто-то по ошибке направил в морской порт. При том возникали тысячи мелочей – то мне звонили из ресторана, чтобы выяснить, кто будет платить за обед для русских, то обнаруживалось, что к миномету, который прислали из штаба округа, нет мин. Хозуправление требовало, чтобы я обеспечил место на борту господину директору Матуру, а я его в глаза не видал… На секунду я замер посреди зала, чтобы привести в порядок мысли, и тут возникла тетушка Амара, моя дальняя родственница, у которой я жил, когда учился в университете. Она драла с меня за постой дороже, чем в гостинице «Кинг», а удрать от нее оказалось труднее, чем из объятий питона.

– Кумти, – воскликнула она, – как ты вырос!

– Здравствуйте, тетя Амара. Что вы здесь делаете?

– Такое счастье, – продолжала она, не отвечая на мой вопрос, – что именно ты командуешь рейсом в Танги.

Каким-то чудом по аэродрому распространился слух, что в Танги уходит спецрейс, и уже человек двадцать пытались получить у меня место на борту. Я мог бы даже разбогатеть.

– Это военный рейс, тетушка, – сказал я.

– Неважно, – отрезала тетушка. – Ты обязан помочь нашей родственнице. Бедная девочка едет к умирающему отцу. Ты не можешь ей отказать. Покойные предки вернутся оттуда, чтобы наказать тебя.

Она толстым пальцем показала, откуда прибудут мои предки. Я попытался отказаться. Но недооценил силу родственных связей в Лигоне. Тетушка Амара передала мне привет от двоюродного дедушки, пригрозила мне гневом дяди и бросила в бой тяжелую артиллерию в виде девушки, красота которой заставила меня на мгновение забыть о долге перед революцией.

– Тетушка Амара просила за меня, – сказала девушка, стараясь не робеть. Она была одета так, как одеваются студентки в небогатых семьях, – чудом сочетая традиции с европейской модой. – Я бы не посмела обеспокоить вас, если бы мой отец не был ранен. А я везу лекарство, которое может ему помочь.

Я хотел было сказать, что с удовольствием передам лекарство по назначению, а вместо этого услышал свой собственный голос, говорящий девушке, чтобы она прошла к выходу номер три и сказала там солдату, что ее прислал майор.

Шагах в пяти от меня стоял толстый индиец в пиджаке, надетом поверх дхоти, с губами, измазанными бетелем. Он слышал весь разговор. Это был спекулянт, из тех, которых мы хотим выгнать, когда победит революция. «Ну уж ты места на самолете не получишь», – подумал я и тут же услышал, как индиец спрашивает:

– Господин майор, куда мне проходить?

Я повернулся и пошел прочь. Индиец обогнал меня и старался поймать мой взгляд.

– Господин майор, – сказал он, – я директор Матур.

– Какой еще директор Матур?

Торгаш в мгновение ока извлек бумагу на бланке управления снабжения. В ней доводилось до моего сведения, что господин директор Матур направляется в

Танги по делам армии.

– Вы можете позвонить. Моя репутация…

Я не стал звонить. Я вспомнил, что мне уже звонили. Удивительно, когда он успел получить эту бумагу?

ЮРИЙ СИДОРОВИЧ ВСПОЛЬНЫЙ

Майор пригласил нас к самолету, заверив, что груз уже на месте. Мы проследовали через пустой зал и только повернули к дальнему выходу, как меня остановил крик:

– Юрий, погоди!

Мы остановились. К нам подбежал взмокший, растрепанный Александр Громов. На какое-то мгновение меня охватило предчувствие, что мой вылет отменяется. Но оказалось иначе.

Громов протягивал мне мой же атташе-кейс, купленный в прошлом году в Дели и всегда сопровождавший меня в поездки.

– Мне твою комнату сторож открыл, – сказал он. – Прости, что без твоего разрешения. Здесь мыло, щетка и так далее. – Затем Громов вынул бумажник и, протягивая мне деньги, продолжал: – Тут тысяча ватов. От Ивана Федоровича. Он единственный из нас вспомнил, что ты отправляешься в поход гол как сокол. Потом в бухгалтерии отчитаешься. Если понадобятся деньги, телеграфируй прямо мне.

Он обернулся к моим спутникам, представился им, передал наилучшие пожелания от Ивана Федоровича и добавил:

– Что касается Юрия Сидоровича, то он знаток лигонского языка и обычаев и собирает материалы для будущей книги.

Я был тронут личной заботой Ивана Федоровича, пониманием важности моей миссии.

– Не буду задерживать, – сказал Громов, – ни пуха ни пера.

– Катись к черту! – в сердцах сказал я.

За дверью жарился на солнце небольшой «вайкаунт» местных авиалиний. В дверях толпилась группа людей. Несколько солдат, молодой лейтенант, толстый индиец в пиджаке поверх дхоти, с красными от неумеренного потребления бетеля губами, и молоденькая девушка, возможно медицинская сестра, в длинной юбке с увядшим белым цветком дерева татабин в черных волосах.

Мы двинулись к самолету. Шел третий час, жара была тяжелой, отягощенной близким муссоном. Я подумал, что Громов наверняка забыл захватить мою полотняную кепочку.

Поднявшись по короткому шаткому трапу, я внутренне сжался от ожидавшей меня духоты. И не ошибся в худших ожиданиях. На секунду я задержался у двери, размышляя, сесть ли мне поближе к двери, сквозь которую проникал воздух, или занять место в хвосте, где больше шансов уцелеть при вынужденной посадке. Наконец, сел сзади.

– Нельзя ли получить воды? – спросил толстый индиец.

– Потерпите, – услышал его майор.

Дверь закрылась, медленно начали вертеться винты. Я глядел в окно, торопил винты. И когда я уже буквально терял сознание, самолет оторвался от земли, и вскоре в кабину хлынул прохладный воздух. Я с минуту наслаждался им, затем застегнул ворот, чтобы резкое переохлаждение тела не привело к простуде.

ТИЛЬВИ КУМТАТОН

Все обошлось. Никто не умер от духоты. Директор Матур вытащил из саквояжа шерстяной шарф, замотал шею и принялся сосредоточенно жевать бетель. Девушка, ее зовут Лами, закрыла глава. Дремлет? Русские, что прилетели из Москвы, разговаривали, а третий, совсем белый, в очках, глядел в иллюминатор и хмурился. Солдаты смеялись: они из бригады «летающие тигры», ко всему привыкли. Я прошел к пилотам.

– Когда будем в Танги?

– Через час двадцать, – ответил военный пилот, – если не придется обходить грозовой фронт. Приближается муссон.

Я вернулся в салон и сел. Почему-то не спалось. Словно я перешел грань, за которой можно никогда не спать. Молодой геолог, похожий на горца, спросил на плохом английском языке:

– Когда прилетим?

– Часа через полтора. Вам не жарко?

– Мы привыкли. Нам приходится много ездить. Мы – охотники за землетрясениями.

– Большая охота, – сказал я. – А как вы их убиваете?

– Мы опаздываем, – ответил за молодого геолога профессор Котрикадзе.

– Они успевают сделать свое черное дело.

– Я видел землетрясение, – сказал я. – В горах, южнее Танги. Я жил тогда у дедушки в монастыре, учился в монастырской школе.

– Скоро будет новое, – сказал молодой геолог.

– Нельзя предсказать собственную смерть и землетрясение. Так говорил дедушка Махакассапа.

– Когда-то не умели предсказывать и солнечные затмения, – сказал профессор.

– А когда будет землетрясение в Танги? – спросил я. Но ответ меня не интересовал. Я вдруг понял, что если сейчас не усну, то умру от усталости; профессор что-то ответил, но я уже проваливался в глубокий, как обморок, сон.

А проснулся я оттого, что заложило уши, – самолет снижался. Директор Матур склонился надо мной и больно вцепился в плечо:

– Проснитесь, майор!

ВЛАДИМИР КИМОВИЧ ЛИ

Наш бравый офицер, который полагал, что землетрясение нельзя предсказать, как собственную смерть (если буду писать воспоминания, обязательно поставлю слова его дедушки в эпиграф), заснул мгновенно, не дослушав Отара. Словно его выключили.

– Там есть озеро, – сказал Отар. – Подземный стресс хорошо читается в упругой среде.

Я поглядел в окно. Сначала мы летели над плоской равниной, потом среди нее начали появляться невысокие пологие холмы, поля карабкались по их склонам, лишь на вершинах росли купы деревьев. Иногда из них вылезали белые пагодки. Потом холмов стало больше, склоны их круче и лес занимал все больше места, лишь по берегам речек остались проплешины полей и цепочки домиков. Я обернулся к девушке. Хорошо, что она попала на самолет. Девушка закрыла глаза, но ресницы чуть подрагивали. Она не спала. Я сказал Отару, что наш майор мне нравится. Может быть, переворотом руководят не черные полковники? Отар пожал плечами.

Прошло около часа с тех пор, как мы поднялись. Пить хотелось жутко. Мой организм был совершенно обезвожен. Самолет летел невысоко. Над нами было голубое небо и солнце, зато сбоку, над горным хребтом, стояла стена сизых туч.

Я взглянул вниз. Мне показалось, что кто-то сигналит нам с земли зеркальцем. Какая чепуха, подумал я, как можно заметить зеркальце с такой высоты! И в тот же момент я увидел, как кто-то невидимый провел над плоскостью самолета рукой, измазанной в чернилах. Чернила упали цепочкой капелек. Самолет тряхнуло, и я тогда догадался, что это не капельки, а дырки в крыле. И тут же из мотора потянулся дымок. Наверное, я непроизвольно привстал и вжался в стекло. Отар сразу почувствовал неладное.

– Что?

Он пытался встать, но его не пускали ремни. Линия горизонта начала медленно клониться, будто перед нами был склон горы. И тут заверещал толстяк. Он ринулся к майору и стал его трясти:

– Майор, проснитесь! Майор, мы падаем!..

ВАСУНЧОК ЛАМИ

Молодой иностранец, похожий на горца, с добрым лицом, бесцеремонно глядел на меня в ресторане, где я ждала, сгорая от страха, тетушку Амару. Наверное, вид у меня был неприглядный. Нехорошо, что в такой момент я обратила внимание на мужчину.

Когда тетушка подвела меня к майору, я с удивлением узнала в нем Тильви Кумтатона, который учился с моим братом в колледже, даже приходился мне родственником и бывал у нас дома. Меня он, конечно, не узнал. Десять лет назад я была девочкой. Тильви был недоволен, что из-за меня придется нарушить правила, но разрешил лететь. Я надеюсь, что у него не будет неприятностей.

Вообще-то все было чудом, цепью чудес. Господин Сун встретился со мной и оказался таким вежливым и отзывчивым. Когда я узнала о перевороте, он велел мне не беспокоиться. Утром я пришла к нему снова, там меня уже ждала тетушка Амара, которую я три года не видела и которая всегда была злой, но у господина Суна вела себя, словно мама, тревожилась о моем отце и сама предложила поехать на аэродром добиться, чтобы меня взяли на самолет. Надо будет обязательно привезти ей хороший подарок.

Молодой иностранец сидел по другую сторону прохода и иногда смотрел на меня. Я делала вид, что не чувствую его взгляда. Я думала об отце. Я знала, что отец может умереть. Поэтому я решилась и пошла к господину Дж.Суну. Потом я задремала и не сразу поняла, что случилось. Самолет начал снижаться, но не в Танги, а прямо над лесом. Господин директор Матур громко кричал, что мы погибли. Я испугалась, что разобьется лекарство. Я прижала сумку к груди, чтобы лекарство не разбилось, если мы упадем.

ДИРЕКТОР МАТУР

Сидя в самолете, я размышлял о том, что прошедшее утро следовало бы внести в графу убытков. Телефонный звонок с аэродрома в город обошелся мне в семьдесят ватов, двадцать сторожу, который провел меня в кабинет к диспетчеру, и пятьдесят самому диспетчеру. Это как минимум семь долларов. Даже если вычесть из этого прибыль, которую я получил, обменяв по курсу пять долларов для молодого русского, все равно убыток велик… Но разговор с Тантунчоком все-таки состоялся. Я спросил, сбылось ли мое предсказание, и Тантунчок вежливо выразил благодарность за предупреждение.

– Готов ли ты завершить вчерашний разговор? – спросил я.

– Я всегда готов обсудить разумные предложения. Мне предлагают за товар двести пятьдесят тысяч.

Что же, цена упала. Тантунчоку нельзя отказать в здравом смысле. Но цена была высока, и я был убежден, что ни один здравый человек не предложит за фабрику

такую бешеную по сегодняшним меркам цену. Я предложил ему сто тысяч, иначе будет поздно.

Я представил себе, как улыбается Тантунчок, как собираются добрые морщинки у его глаз. И он сказал:

– Исключительно ради старой дружбы могу уступить за двести.

Мой план таил в себе большой риск. Если все пройдет гладко и мне удастся тут же передать фабрику Управлению снабжения, придется делиться с теми, кто поможет провести эту операцию. Я получу не четыреста тысяч, а не более трехсот. Но где гарантия, что эта сделка состоится? Что расположение, которым меня дарят некоторые ответственные люди, сохранится завтра? Разумнее отказаться от сделки, чем рисковать всем свободным капиталом. В ближайшие дни могут появиться и другие предложения – в опасении национализации дельцы будут распродавать недвижимость. О жестокий Дж.Сун! Сейчас мне следовало быть в Лигоне, где вершатся дела.

Самолет миновал долину Кангема. Дальше наш путь лежал через гряду гор, к озеру Линили, за которым стеной поднимаются отроги Тангийского нагорья.

Что здесь делает девушка, которую я видел у господина Дж.Суна? Ее присутствие на борту меня тревожило. Я благословлял осторожность, которая заставила меня скрыться в полутьме холла, когда Сун провожал ее из гостиницы. Что за послание она везет в Танги? Не о моей ли скромной особе? Дж.Сун коварен. А вдруг он узнал, что я потратил час на визит к Тантунчоку? С его точки зрения, это предательство.

Тревога настолько овладела мной, что я не сразу сообразил, что случилось нечто ужасное. Из-под крыла тянулся черный дым. Самолет резко пошел вниз. Мы падаем! Мы погибаем…

Я должен был что-то предпринять. Я быстро отстегнул ремни и направился к спящему майору Тильви. Я дотронулся до его плеча и негромко, но внушительно произнес:

– Проснитесь, майор. Мы падаем.

ОТАР ДАВИДОВИЧ КОТРИКАДЗЕ

Хоть я и пролетал в своей жизни больше миллиона километров, попадать в катастрофу мне еще не приходилось. Все произошло слишком быстро, чтобы я мог потом, на досуге, понять, как это случилось. Я помню, что заставил пристегнуться Володю, который никак не мог понять, чего же я от него хочу, и, наверное, считал меня человеком без нервов; вокруг кричали люди, дым за окном закрыл все небо, земля неслась навстречу, а я совал ему в руки конец ремня. Но ведь если суждено уцелеть, то больше шансов у того, кто пришпилен к своему месту.

Даже не будучи летчиком, я понимал сложность нашего положения. Загоревшийся мотор заставил нас снижаться, пока машина не взорвалась. Если бы дело происходило над равниной, мы могли бы сесть спокойно – высота полета невелика. Но под нами тянулись покрытые лесом горы.

Я не потерял способности наблюдать. Это шло не от излишней смелости или фатализма. Просто мне не хотелось верить, что через минуту меня не будет в живых, и эта здоровая реакция организма заставила меня вообразить, что ничего страшного не случится. Юрий Сидорович был смертельно бледен и смотрел перед собой, ничего не видя. Потом он мне признавался, что перед его мысленным взором (его выражение) прошла вся жизнь. Майор Тильви боролся с индийцем, который повис на нем, вцепившись в мундир толстыми пальцами, словно майорам по чину не положено разбиваться в самолетах. Молоденький офицер, который присоединился к нам перед отлетом, что-то кричал на вскочивших солдат, девушка, которую порывался спасать Володя, прижимала к груди дорожную сумку. А где мой портфель? Почему-то я занялся лихорадочными поисками портфеля и, найдя его под ногами, постарался вытянуть на колени. Самолет накренился в нашу сторону, и совсем близко под окном мелькали кроны деревьев. Мимо промчался, стараясь сохранить равновесие, майор и рванул дверь пилотской кабины. Самолет выпрямился. На мгновение отнесло дым, стало светлее, и тут же я ощутил серию ударов – наверное, машина билась корпусом о вершины деревьев. Скрежет был такой, словно самолет рассыпался на куски; нас подбросило вверх, потом самолет нырнул, ударился о землю, подпрыгнул, мое тело рванулось вперед, и ремни,

как ножи, полоснули по груди. Видно, из меня вышибло дух, потому что следующее, что я помню, – тишину…

Болела грудь. Ремни удержали меня, но сделали это немилосердно. Я не мог вздохнуть. Хорошо бы, ребра остались целы. Я хотел поднять руки, чтобы отстегнуться, но руки не слушались. И только тогда я понял, что сижу с закрытыми глазами.

Я заставил себя открыть глаза. Они нехотя подчинились. И сразу включился слух. Продолжался гул – может, еще работали моторы, может, ревело пламя, может, шумело в голове. Сквозь гул я услышал, как кто-то рядом причитает, словно по покойнику, – однообразно и грустно. Потом донесся стон. Как Володя? Я с трудом повернул голову.

И тут же меня охватил гнев. Это было первое человеческое чувство, вернувшееся ко мне. Вы полагаете, что он думал обо мне? Володя был в полном сознании, но смотрел этот подлец не на меня – сквозь меня, туда, где сидела девушка. Потом я рассмеялся. Потому что девушка тоже была жива, она сидела, прижимая к груди дорожную сумку, и глазела на моего Володю.

– Приехали, – сказал я сквозь смех. – Приехали.

Наверное, со стороны казалось, что я впал в истерику, но мне было просто смешно, что они сидели в разбившемся, горящем самолете и смотрели друг на дружку.

Руки мои действовали независимо от меня, отстегивая ремни. Майор лежал в полуоткрытой двери в пилотскую кабину, и по тому, как он неудобно лежал, я понял, что ему досталось. Я заставил себя подняться. В салон полз черный дым.

– Вы как, Отар? – услышал я голос Володи.

– Скорее! – ответил я, и наконец мне удалось вздохнуть. Припадая на ушибленную ногу, я бросился к майору. И знал, что Володя тоже поднимается. Я мог на него положиться. Крушение кончилось, началась работа, а работать Володя умеет.

Майор был жив, дышал и, если не считать вывернутой руки, был цел. Нам удалось оттащить его от двери. Я открыл ее, чтобы проникнуть в кабину пилотов, и краем глаза заметил, что над майором склонилась наша соседка. Нас уже трое.

Все мои действия мерились на секунды. Мне даже некогда было обернуться и поглядеть, что же творится в салоне.

В лицо мне ударил дым. Дымом была полна пилотская кабина, вернее, то, что от нее осталось. Самолет – это я понял уже погодя – тянул к рисовому полю, но пилоты не смогли удержать машину, и стволы сокрушенных самолетом деревьев превратили его нос в мешанину стекла и металла. Я на ощупь пробирался сквозь дым, стараясь отыскать пилотов. Володя пошел было за мной, но я обернулся и крикнул:

– Назад! Открой дверь! Выводи людей!

Мне казалось, что путешествие сквозь дым и джунгли гнутого металла продолжалось очень долго. Кабина – несколько шагов в длину – превратилась в бесконечный коридор, в котором нечем было дышать… Но тут порыв ветра на мгновение отогнал дымовую завесу, и оказалось, что я стою на некоем подобии балкона, к которому вплотную подступают переломанные кусты и стволы деревьев. В зеленом месиве я увидел тело одного из пилотов. Тут же дым снова набросился на кабину, и мне пришлось вытаскивать пилота из груды обломков вслепую, задыхаясь и боясь не только близкого взрыва, но и того, что потеряю сознание. Я с таким отчаянием тащил пилота, что если бы он был жив… тогда я еще не понял, что он мертв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kir-bulychev/na-dnyah-zemletryasenie-v-ligone

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити